

Научная статья

УДК 070.431.2+070.422.1 : 929

doi: 10.17223/26188422/18/14

Уолтер Дюранти – специальный корреспондент *The New York Times* в Москве: образ Советской России 20-х гг.

Екатерина Сергеевна Кадар¹

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
ekaterina.kadar@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена журналистским работам одного из ярчайших иностранных корреспондентов Уолтера Дюранти, работавшего в американском издании *The New York Times*. Фигура Дюранти по сей день остается противоречивой: его обвиняют в намеренном искажении информации и подтасовке фактов, однако при этом Дюранти был одним из самых популярных и уважаемых представителей американской прессы, работавших на территории СССР. Его публикации оказали значительное влияние на формирование образа Советской России в американской прессе. Источниками для анализа стали, в первую очередь, работы журналиста: его мемуары и статьи, опубликованные в начале двадцатых годов, в которых автор конструировал образ Советского Союза. Также в статье проанализированы работы других авторов, в которых дается оценка журналистской работы Дюранти.

Ключевые слова: Уолтер Дюранти, *The New York Times*, американская журналистика, история журналистики, образ СССР

Для цитирования: Кадар Е. С. Уолтер Дюранти – специальный корреспондент *The New York Times* в Москве: образ Советской России 20-х гг. // Вопросы журналистики. 2025. № 18. С. 262–278. doi: 10.17223/26188422/18/14

Original article

doi: 10.17223/26188422/18/14

Walter Duranty – *The New York Times* Moscow correspondent: Shaping the image of Soviet Russia in the 1920s

Ekaterina S. Kadar¹

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, ekaterina.kadar@gmail.com*

Abstract. This article provides a brief exploration of the career of Walter Duranty, one of the most controversial foreign correspondents of the 20th century and a Pulitzer Prize winner. However, the primary focus is on analyzing Duranty's journalistic work, particularly his role in shaping the image of the USSR in the American press. While some scholars continue to regard Duranty's articles as exemplifying unethical journalism, during his time, he was widely celebrated as a brilliant reporter. The primary aim of this study is to analyze the professional trajectory of a journalist often labeled as a Stalin apologist and to examine the image of the Soviet Union that Duranty constructed in the American press as one of the era's most prominent foreign correspondents. A former war correspondent, Duranty was highly ambitious and succeeded in achieving notable professional acclaim. His Pulitzer-winning series on the Soviet famine established him as a trusted journalist. Based in Moscow, Duranty had unparalleled access to the early Soviet Union, becoming one of the first foreign correspondents to document the country during its formative years. His reports offered American readers a glimpse into Soviet life, which many viewed as a bold experiment. The utopian ideals underpinning the Soviet state's doctrines intrigued observers worldwide, often tempered by skepticism. Public perceptions of the USSR varied significantly – some praised it as a protector of the underprivileged and an advocate of equality, echoing the narratives of Soviet propaganda. This study focuses on Duranty's early writings, analyzing how he depicted the Soviet Union, its people, and its government. Drawing on a wide range of sources – including Duranty's memoirs, his colleagues' recollections, and his own texts – the analysis highlights the methods by which Duranty shaped a complex image of the USSR. Special attention is devoted to his reporting on the Soviet famine of the 1920s and 1930s. While Duranty expressed sympathy for the famine's victims, he also criticized them for their perceived passivity, portraying them as resigned to their fate. His reports convey to American readers the submissiveness of Soviet peasants and their inability to resist. Notably, Duranty refrained from directly criticizing the Soviet government in these accounts, focusing instead on vivid de-

scriptions of the everyday suffering of the famine-stricken population. The study concludes that Walter Duranty remains a deeply ambiguous figure. Despite the controversies surrounding his legacy, his early reports on the Soviet Union were distinguished by their exceptional literary style and journalistic innovation. Through his work, Duranty constructed a nuanced yet predominantly favorable portrayal of the Soviet Union in the American press, solidifying his reputation as a significant – albeit contentious – figure in the history of international journalism.

Keywords: Walter Duranty, “The New York Times”, American journalism, history of journalism, portrayal of the USSR

For citation Kadar, E. S. (2025) Walter Duranty – *The New York Times* Moscow correspondent: Shaping the image of Soviet Russia in the 1920s. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 18. pp. 262–278. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/18/14

Введение

Двадцатый век стал временем падения одних государств и становления других. На обломках Российской империи в начале двадцатого века возникает Советский Союз – государство с уникальным политическим строем. Важно отметить, что в самом начале 1920-х гг. СССР еще официально не существовал: «договор об образовании СССР» был подписан в конце декабря 1922 г. [1], но образ государства, которым управляют большевики, в зарубежной прессе начал формироваться раньше. Особый интерес представляет формирование имиджа Советской России на страницах американской прессы, ведь сила печатного слова в США была огромна: сами журналисты называли американцев «газетным народом», публицистику считали общенациональным явлением, а прессу называли вездесущей и всемогущей [2. С. 5]. Во многом на СССР смотрели как на смелый эксперимент, ведь утопические идеи, лежащие в основе доктрины государства, заставляли политиков по всему миру относиться к зарождению страны с долей скептицизма. И все же простые люди, живущие по другую сторону океана, по-разному относились к СССР. Многие видели в политическом строе защиту бедных, равные права – словом, все то, что активно продвигала советская пропаганда.

Читатели по всему миру интересовались жизнью в СССР, и задачей журналистики было утолить это любопытство. Потребность в освещении событий, происходящих на территории Советского Союза,

была обоюдной: власти были заинтересованы в создании позитивного образа страны, а зарубежные СМИ – в том, чтобы иметь возможность рассказать о новой идеологии из первых уст. К тому же, в заокеанской прессе уже начал формироваться неприглядный образ юного государства: большевиков обвиняли в предательстве России, ведущих деятелей партии – Ленина и Троцкого – в получении иностранных денег для пропаганды идеологии [3. Р. 7], а в лице советского государства и вовсе видели национальную угрозу: «...красные используют каждую возможность для распространения пропаганды (прим.: в Америке)» [4. Р. 2]. Кроме того, газетные заголовки красноречиво доказывали читателям, что Россию под правлением большевиков ждет унылое будущее: «Господство анархии знаменует собой правление большевиков в России» [5. Р. 3]; «Почему большевизм – угроза» [6. Р. 7]; «Большевицкий режим – это военная диктатура» [7. Р. 6]. Так, даже по нескольким заголовкам из разных газет видно, что образ Советской России в американской прессе был отрицательным, и в интересах государства было это изменить.

В 1921 г., а именно 25 июля, произошло поворотное событие для процесса развития журналистики: коллегия НКВД во главе с Литвиновым разрешила въезд иностранным корреспондентам [8]. До установления первых официальных дипломатических отношений оставалось еще полтора года, а журналисты уже могли увидеть советскую утопию. Власти разрешили въезд только тем иностранным корреспондентам, которые сочувствовали установленному в стране режиму либо были нейтральны: не все желающие проходили отбор, хотя и нельзя сказать, что разработанная концепция отбора иностранных корреспондентов (далее – инкоров) не давала сбоев. И все же, отнюдь не каждый журналист был готов отправиться в СССР, тогда как интерес аудитории к событиям, происходившим в стране, у руля которой стоят большевики, только возрастал. Так, на территорию СССР приехали американские корреспонденты, которых в какой-то степени можно назвать авантюристами. Кто-то был движим идеями вечной справедливости и равенства, кто-то мечтал о славе и богатстве. Среди американских корреспондентов, которым удалось поработать в СССР, немало известных журналистов. Например, Луис Фишер, Юджин Лайонс и мн. др.

При всем многообразии персоналий, представлявших американскую журналистику в начале 1920-х гг., было решено остановиться на одном из самых неоднозначных корреспондентов – обладателе Пулитцеровской премии – Уолтере Дюранти (25 мая 1885 г. – 3 октября 1957 г.). При разработке данной статьи анализировались публикации Уолтера Дюранти в американской газете *The New York Times*, напечатанные в период 1921–1922 гг. В статье освещены материалы, на примере которых наиболее четко представлен пример конструирования образа Советской России. Данный период выбран неслучайно, так как именно в это время Дюранти в числе первых зарубежных корреспондентов приезжает в Москву. Соответственно, именно в это время первые его статьи публикуются в заокеанской прессе, создавая образ Советской России в момент зарождения большевистской утопии. Кроме того, в статье анализируется автобиографическое произведение автора “I write as I please”, а также несколько работ зарубежных публицистов, посвященных методам работы Уолтера Дюранти в числе других инкоров.

Приведенные в данном исследовании статьи Дюранти нигде более не анализировались, фрагменты, взятые из мемуаров инкора, приведенные в тексте, также не отражены в научных публикациях других исследователей. Отбор материалов производился самостоятельно благодаря тому, что американские источники оцифрованы и находятся практически в свободном доступе (например, для подготовки материалов из *The New York Times* потребовалось оформить подписку, однако мемуары автора можно найти в электронных архивах).

Сегодня статьи Дюранти некоторые до сих пор называют примером недобросовестной журналистики, однако ранее Дюранти считали блестящим корреспондентом и называли «деканом московской прессы». Джордж Бернард Шоу называл его «королем репортеров», Джек Рид говорил, что Дюранти – фигура легендарная и сравнивал его тексты с прозой Хемингуэя, а Джеймс Эббе заявлял, что статьи Дюранти сильнее, чем что-либо, влияли на мнение американцев о Советском Союзе. Это еще раз доказывает: Уолтер Дюранти был виднейшим журналистом своего времени, и во многом именно его тексты оказывали большое влияние на то, какой имидж СССР формировался в американской прессе. Цель данной статьи – показать, какой именно образ

Советского Союза конструировал в заокеанской прессе один из виднейших инкоров эпохи Уолтер Дюранти.

Дюранти приехал в Москву в возрасте 36 лет, будучи состоявшимся, однако не широко известным автором. Рассматривать публикации журналиста без уточнения некоторых вех его творческого пути достаточно проблематично, ведь во многом именно процесс становления Дюранти как журналиста оказал влияние на его работу в Советской России: в своих мемуарах инкор, например, нередко сравнивает Москву двадцатых с европейскими городами. Карьера Дюранти началась в беспокойное военное время: во время Первой мировой войны журналист британского происхождения Уолтер Дюранти работал в газете *The New York Times* в качестве военного корреспондента [9]. Об этом этапе его карьеры знакомый журналиста писал так: «Война подхватила Дюранти прямо за загривок и <...> превратила его в военного корреспондента» [10. Р. 8]. По окончании войны, когда интерес к европейским событиям стал утихать, Дюранти работал в Париже рядовым журналистом, то есть должность его не была престижной [11]. Однако корреспондент явно хотел большего, и такое положение его не устраивало. Подтверждение этому нашло отражение в книге «Я пишу, как мне хочется» или в оригинале у автора “I write as I please”. Сам Дюранти писал: «...Я находил работу в качестве “второго человека” в парижском офисе весьма унылой после захватывающей и независимой работы в качестве военного корреспондента» [12. Р. 7]. Он проработал год в парижском офисе, и такую жизнь он называл скучной [12. Р. 101]. Дюранти претило вечное нахождение в стенах офиса, не нравился традиционный рабочий график, словом, его душа требовала перемен. «Я начал донимать Нью Йорк, чтобы они дали мне репортерскую работу хоть где-нибудь и наконец мне пообещали, что, если, вернее, когда Россия откроет границы (для западных корреспондентов – Е. К.), я получу эту работу» [12. Р. 102].

Советская Россия долго не открывала двери зарубежным журналистам. Сам Дюранти в переписке с М. Литвиновым, который в 1921 г. стал замнаркома иностранных дел [13], недоумевал, почему СССР не разрешает въезд зарубежным журналистам, ведь, по его мнению, это помогло бы Советскому Союзу в построении положительного имиджа. Литвинов убеждал журналиста, что, напротив, образ СССР уже

достаточно пострадал от лжи капиталистической прессы. Дюранти же считал, что привлечение иностранных корреспондентов даст возможность зарубежным СМИ публиковать неискаженную информацию, конструируя таким образом положительный имидж государства, ведь в противном случае пресса вынуждена будет транслировать информацию, полученную из соседних стран – Польши, Латвии и других государств, которых Дюранти назвал «врагами» СССР [12. Р. 102].

После разрешения НКВД 25 июля 1921 г. Дюранти в числе первых западных корреспондентов прибыл в Москву. «Наконец случайность и его жажда приключений привели его в Москву и дали возможность лицезреть один из самых важных моментов в истории человечества» [10. Р. 8], – пишет знакомый Дюранти, имея в виду становление СССР. Сам же корреспондент в своих мемуарах также отразил это событие. Для достоверности целесообразно привести цитату не только в переводе, но и в оригинале. Итак, Дюранти пишет: «At last in July, 1921, *luck broke my way* in the shape of the Russian great famine, which then threatened to cost about 30.000.000 lives...». В переводе фраза звучит так: «В конце концов в июле 1921 года *удача улыбнулась* мне в лице великого русского голода, который мог стоить около 30 000 000 жизней». Так, читатель видит, что Дюранти так сильно хотел заполучить работу в Москве, что был рад тому, что у него появилась возможность обозревать столь ужасное событие. Фраза «удача улыбнулась мне» показывает, что Дюранти рассматривал освещение голода в СССР, в первую очередь, как возможность раскрытия своих профессиональных амбиций.

Так, Дюранти в СССР привела жажда карьерного роста. У каждого корреспондента, приехавшего в Москву в начале двадцатого века, были свои причины, ожидания, цели. Например, упомянутые ранее Фишер и Лайонс, также виднейшие инкоры своего времени, отправились в Советский Союз во многом по идейным соображениям: судя по историческим материалам, корреспондентам, правда, было любопытно увидеть своими глазами построение социалистического общества. Они видели неидеальность капиталистического строя, и им казалось, что упорядоченность социалистической структуры – ключ к решению многих проблем. Кроме того, их происхождение, можно сказать, во многом определило их отношение к населению СССР, ведь журналисты не просто отдаленно наблюдали за происходившими событиями

ми, а нередко сочувствовали народу Советского Союза. Лайонс был выходцем из белорусской семьи [14. С. 239], а карьера его началась с работы в коммунистических, во многом просоветских СМИ, таких как *Soviet Russia Pictorial* («Советская Россия в картинках») и американском отделении ТАСС [15. Р. 203]. Фишер же вырос в небогатой семье в еврейском гетто в Филадельфии, и с детства он видел контраст между богатыми и бедными. Это заставило его поверить в то, что «...капитализм необходимо заменить системой, которая бы учитывала интересы угнетенных» [11. Р. 4], и в устройстве СССР журналист видел именно такую систему, потому и считал, что на многое из того, что происходит в Советском Союзе, можно закрыть глаза, так как построение нового справедливого общества требует жертв.

Однако Дюранти не тешил себя иллюзиями: «Хотя он и был критически, и даже порой саркастически настроен по отношению к Советам до 1921, он сумел вовремя переменить свою позицию, дабы въехать в страну в 1921 году в числе первых западных корреспондентов» [11. Р. 3], – пишет автор книги «Ангелы в сталинском раю: западные репортеры в Советской России». Здесь же поясняется, что корреспонденту было легко писать об экспериментальной политике, проводимой большевиками, так как «русские казались отсталыми, а потому ничтожными самому Дюранти» [11]. В этом же источнике автор пишет о том, что Дюранти сделал для себя вывод, что власти СССР решили идти по азиатскому пути, то есть именно принуждение стало главным механизмом на пути к модернизации, так как население погрязло в отсталости, и ничто якобы не могло заставить людей встать на путь прогресса добровольно. Так Дюранти заложил фундамент собственных убеждений, решив, что власти имеют право достигать целей порой бесчеловечными методами, ведь народ не в силах осознать необходимость прогресса ввиду собственной отсталости. «Дюранти хотел, чтобы Запад осознал, почему Россию нужно трансформировать именно таким образом, почему жертвы не просто неизбежны, но и не столь важны, ведь стоит учитывать укоренившуюся отсталость народа и их отношение к смерти, как к чему-то обыденному» [11. Р. 3].

Несмотря на то, что журналисты нередко сообщают о событиях отстраненным тоном, хладнокровный пафос Дюранти способен шокировать читателя: он пишет о гуманитарном кризисе не просто отрешен-

но, а равнодушно, холодно и местами надменно. Собственно, сам Дюранти относился к человеческим смертям несколько отстраненно, и безразличие это было следствием пережитых им событий. Сам журналист говорил, что он был готов к тому, что он может увидеть в СССР: «...Я был готов к посещению (России – *Е. К.*) более, чем я предполагал. Война во Франции научила меня определенной мере безразличия к крови и нищете, страху и состраданию. Внезапная смерть стала обычным делом...» [12. Р. 7].

Описывая приезд в Москву, в своих мемуарах Дюранти говорит о весьма некомфортных условиях, созданных для первых приехавших иностранных журналистов, начиная от поезда без еды, света и постельного белья [12. Р. 107], заканчивая номером отеля, в который поселили корреспондентов. Дюранти описывает комнату без матраса, проточной воды, но с огромным количеством крыс и насекомых, саркастически отмечая, что проживание было бесплатным [12. Р. 109]. Следует подчеркнуть, что описание, данное журналистом, достаточно скупо на эмоции, автор отмечает все эти неудобства даже с некой иронией. Данные материалы помогли читателям воспоминаний инкора создать представление о Советской России после революции. Управляемая большевиками страна пыталась создать красивый фасад, однако описанная инкором неразбериха доказывает: реальность отличалась от образа, который старательно создавался властью.

Уолтер Дюранти в своей автобиографической книге сравнивает Москву 1921 г. с разрушенным войной французским городом, сопоставляя большевистский режим с военной оккупацией, ведь, по его мнению, в городе царит такая же атмосфера: «Было то же самое ощущение усталости, изможденности, несчастья – и надежды. Оглядываясь назад сегодня, трудно осознать, что первые четыре года большевизма были для Москвы ненамного менее отвратительными, чем немецкая оккупация для Лилля» [12. Р. 110]. Параллелизм, использованный инкором в тексте, вновь доказывает читателю: Советская Россия после революции была далека от процветания. Говорит он и о том, что бедность поглощает город, ведь «Москва была в основном деловым городом, и период военного коммунизма свел бизнес на нет» [12. Р. 110]. Так в мемуарах Дюранти создает скорее отрицательный имидж страны в 1920-е гг., однако подчеркнутое ощущение надежды и не-

счастья одновременно помогает автору сконструировать оксюморонный образ Советской России.

В репортажах, опубликованных в газете *The New York Times*, корреспондент придерживается схожего мнения. Например, в статье, опубликованной в 1922 г., описывая контрасты Москвы эпитетами «горькие» и «резкие», Дюранти рассказывает две непридуманные жизненные истории: бывшего владельца небольшого магазинчика, а ныне – богатого спекулянта Иванова, и обедневшей дочери провинциального судебного чиновника, жены когда-то преуспевающего инженера, матери троих детей Гребовой Анны. С точки зрения публицистики журналист мастерски использует антитезу, противопоставляя судьбы этих людей: Иванов, обсуждавший за рюмкой водки политику с крестьянами у печки, теперь «может управлять целым вагоном товаров, краденными государственными запасами, десятью фунтами платины или десятками ящиков с коньяком, и полагается на удачу и знание, с кем вести дела, чтобы избежать беды» [16. Р. 18]. Судьба Анны, напротив, ранее была куда более завидной: «У нее был красивый дом, слуги и лошади, и Иванов и ему подобные почтительно снимали шапки, когда видели ее» [16. Р. 18]. Однако две сюжетные линии соединяются в непредсказуемой кульминации: Иванов подает Анне, сидящей с ребенком на руках, милостыню. Дюранти открыто не показывает свое отношение, но сквозь строки все же чувствуется его осуждение Иванова и сочувствие к обедневшей женщине, уехавшей в Москву просить милостыню и продавать спички. Этот незамысловатый сюжет помогает журналисту создать образ увиденной им Москвы – столицы поистине горьких контрастов, города, который для одних становится воплощением шика, богатства и довольства жизнью, а для других – скромным прибежищем, спасением от голода и бедности. Безусловно, Дюранти демонстрирует несправедливость, с которой сталкиваются жители СССР, но также автор показывает и их стойкость. Герои его говорят лишь «ничего» в ответ на вопросы об их будущем. Это простое слово журналист называет девизом одновременно слабости и силы советского народа. Так Дюранти создает противоречивый портрет советской Москвы и ее жителей.

Повествуя о судьбе обнищавшей героини, Дюранти будто вскользь упоминает о голоде, от которого Анна вынуждена была бежать в Мо-

скву. Место, из которого Анна уехала, журналист метафорично называет «страной смерти», что подчеркивает его авторскую позицию. В начале двадцатых годов Дюранти вообще часто писал о голоде. Собственно, в СССР он поехал затем, чтобы обозреть, как будет оказываться помощь компанией «American Relief Administration» («Американская администрация помощи»), и эта тема была сенсационной для западного читателя. Дюранти пишет: «Голод на Волге был самой крупной историей года, но мы сидели в Москве, борясь с паразитами и советской инертностью, в то время как Флойд Гиббонс из *Chicago Tribune* отправлял тысячи слов в день из волжских городов, обыгрывая нас и добиваясь одного из самых больших газетных триумфов в послевоенной истории» [12. Р. 122]. Не без нотки зависти Дюранти подмечает успех коллеги по перу, ведь зарубежные инкоры находились в постоянной погоне за сенсацией, будучи в условиях жесткой конкуренции [14. С. 239]. Упомянутый Флойд Гиббонс даже хотел нанять немецкого военного пилота, чтобы поскорее прибыть на место событий, правда, ему было отказано ввиду опасности незаконного полета над территорией СССР, и все же эта ситуация показывает, насколько сильно корреспонденты стремились поскорее передать информацию американской прессе. Тема действительно была интересна зарубежному читателю, это доказывается тем, что даже переведенные отрывки из газеты «Правда» о голоде газета *The New York Times* помещала на первую полосу.

Необходимо отметить, что корреспонденты сопровождались советскими официальными лицами, таким образом, Уолтер Дюранти не мог писать обо всем, о чем пожелает: ограничивала его жесткая внутренняя цензура, невозможность самостоятельных передвижений по стране, ограниченность получения информации. Ввиду этих факторов иностранные корреспонденты нередко обращались к местным газетам, районной и областной прессе, дабы приблизиться к отображению близкой к реальности картины [14. С. 239].

Итак, репортажи Дюранти, опубликованные на первой полосе, содержали информацию о голоде в Самаре, том городе, который сам автор называл «столицей умирающей области». Корреспондент пользуется уже знакомым методом изложения: об ужасах воцарившегося голода журналист рассказывает, повествуя читателям историю всего

лишь одной семьи. В центре внимания читателя двое исхудавших родителей: беспомощный отец и мать, похожая на живой скелет, их дети – мальчик трех лет, копошащийся в коже в поисках съестного, и его брат, скорбно смотрящий на умершего от голода котенка. Дюранти создает собирательный образ и пишет: «Умножьте эту сцену во сто крат, и вы получите Самару; умножьте в десять тысяч раз, и вы увидите картину всей области» [17. Р. 1]. Автор рассказывает и о других семьях, страдающих от голода, в своем репортаже. Дюранти погружает своего читателя в тему, создавая зарисовки жизни пострадавших. Он описывает беженцев и их образ жизни, повествует о бесплодных полях, покрытых черной землей вместо травы и посевов, описывает обглоданные скелеты лошадей, встречающиеся время от времени по дороге. Дюранти – прекрасный публицист: его материалы действительно погружают читателя в атмосферу того беспроблемного ужаса, свидетелем которого он стал.

В целом Дюранти сочувствует пострадавшим от голода. Однако он же и осуждает их за бездействие: инкор пишет о том, что люди беспроблемно принимают смерть, и, кажется, они уже не способны эмоционально реагировать на происходящее в их жизни. Вот как журналист пишет о людях: «...Стояли, как немые, растерянные животные, просто ожидающие смерти» [17. Р. 1]. Сравнение, использованное автором, показывает его позицию. Несмотря на жалость, автор показывает заокеанскому читателю безропотность советских бедняков, их неспособность бороться. Он не осуждает правительство в этих репортажах, концентрируясь лишь на зарисовках повседневности голодающих.

К правительству Дюранти относился благосклонно. В текстах он вполне политкорректен. Даже описывая очевидные проблемы нового государства, автор говорит о поддержке правящей партии внутри страны, говорит, что миссия правительства – не только побороть голод в районах Волги, но и примирить внутренние и внешние политические распри. Автор доказывает заокеанскому читателю, что советской власти это по плечу: «Однако Российская коммунистическая партия является прочной основой, на которой базируется власть Советского правительства, а руководители Советского правительства все еще являются избранными лидерами коммунистической партии»

[18. P. 3]. Дюранти традиционно завершает свои тексты, посвященные правящему аппарату, на высокой ноте, показывая свое благосклонное отношение. Именно эта лояльность и повлияла на комфорт жизни самого автора: в течение пары лет корреспонденту удалось плотно обосноваться в Москве, и от прежних лишений не осталось и следа. Просторные апартаменты, личный повар, умеющий готовить так, как нравилось Дюранти, многочисленные знакомые из Европы и Америки, возможность достать зарубежные товары. Словом, бедность и голод, о которых писал журналист, не касались его самого.

Кроме того, карьера журналиста пошла в гору: получилось, что из рядового журналиста Уолтер Дюранти смог стать самым надежным западным специальным корреспондентом. Причем таким его считали не только в издании, в котором Дюранти непосредственно работал. Так, в газете *The Daily Worker* о нем пишут так: «...Уолтер Дюранти, самый надежный корреспондент *Times* по делам России и любой международной политики, в которую вовлечен СССР...» [19].

Далее карьера журналиста лишь развивалась, а западный читатель верил печатному слову автора, достаточно зарекомендовавшему себя. Результат был таков: Дюранти удостоили Пулитцеровской премии в 1932 г. за серию статей, написанных годом ранее, в котором он писал о голоде уже 30-х гг. В них Дюранти достаточно резко высказывается о голоде. Его слова экспрессивны и даже агрессивны, например, в одной из статей он пишет: «Но – если выразиться грубо – нельзя сделать омлет, не разбив яиц» [20]. Журналист обыгрывает устойчивое выражение, типичное для английского языка, оправдывая действия властей. Дюранти убеждает аудиторию: для достижения цели можно пойти на жертвы, даже если цена – людские жизни.

В целом вышеупомянутый цикл публикаций заслуживает отдельного исследования, однако на примере ранних работ Дюранти, проанализированных в данной статье, видно, как формировались убеждения корреспондента, какие цели были им преследуемы. Ему удалось добиться своих желаний: он стал богат, уважаем и знаменит. Из рядового журналиста стал ярчайшим специальным корреспондентом, однако он же стал символом недобросовестной журналистики. Его несколько раз, уже посмертно, пытались лишить Пулитцеровской премии, однако комитет не нашел оснований отозвать премию, так как

Дюранти, по мнению членов комитета, во-первых, писал статьи, опираясь на официальную информацию, предоставленную советским правительством, а во-вторых, был ограничен цензурой, ведь все материалы, которые он передавал, жестко контролировались.

Проанализировав статьи инкора, а также отдельные фрагменты его мемуаров, посвященные анализируемому временному отрезку, можно сделать следующий вывод: Уолтер Дюранти – фигура поистине неоднозначная. Его статьи, написанные в первые годы после приезда в Москву, создают красноречивый и яркий образ Советской России. Тексты в целом вызывают сочувствие к простым людям, однако автор не винит в сложившейся ситуации власть – напротив, Дюранти выражает надежду на скорое улучшение ситуации, говоря о том, что правительство СССР делает все возможное, дабы справиться с временным кризисом. Народ Советской России в текстах Дюранти представлен оксюморонно: гордый, сильный и одновременно с тем слабый и безропотный. Дюранти, словно путешественник, отстраненно пишет о далекой для американцев стране, показывая читателям разных людей, ее населяющих. Образ Советской России в его статьях, относящихся к началу 1920-х гг. контрастен, но в целом положителен. Так, журналистская работа Уолтера Дюранти оказала значительное влияние на формирование имиджа СССР: его статьи можно назвать новаторскими ввиду одобрительного пафоса автора: до приезда журналиста и других инкоров в 1921 г. отражение облика Советской России в американской печати сильно отличалось от того, каким он предстал перед американской публикой впоследствии. Так Уолтер Дюранти стал одним из тех журналистов, которые показали заокеанскому читателю хоть и не всегда однозначный, но в целом положительный облик Страны Советов.

Список источников

1. Декларация и договор об образовании СССР // Виртуальная библиотека к 1150-летию зарождения российской государственности. URL: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/09-02-deklaraciya-obrazovanie-sssr-1922.shtml>
2. *Алентьева Т. В.* Из истории американской журналистики. Феномен “New York Tribune” и общественное мнение в США (1841–1861 гг.) : монография. М. : ИНФРА-М, 2021. 296 с.

3. Betrayal of Russia // *The Watchman and Southron*. 1917. 18 sept. P. 7.
4. Aim revolution in America. Reds avail themselves of every opportunity to spread propaganda // *The county record*. 1919. 6 Nov. P. 2.
5. *Lloyd A.* Reign of anarchy marks rule of the bolsheviki in Russia // *White Pine news weekly mining review*. 1919. 30 March. P. 3.
6. *Comerford F.* Why bolshevism is a menace // *The Leader enterprise and press*. 1920. 31 May. P. 7.
7. Bolshevik regime termed military dictatorship // *Pine Bluff daily graphic*. 1919. 13 Feb. P. 6.
8. *Романов А. С.* Информационная деятельность Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР, 1917–1923 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 214 с.
9. *Crowl J. W.* Angels in Stalin's paradise: Western reporters in Soviet Russia, 1917 to 1937, a case study of Louis Fischer and Walter Duranty. URL: <https://archive.org/details/angelsinstalinsp0000crow/page/n9/mode/2up>
10. *Woolcott A.* A personal note on Walter Duranty // *Duranty reports Russia*. Canada. P. 8.
11. *Angels in Stalin's Paradise: Western Reporters in Soviet Russia, 1917–1937; A Case Study of Louis Fischer and Walter Duranty*. Washington, D.C. : The University of America Press, 1981.
12. *Duranty W.* I write as I please. New York : Simon and Schuster, 1935. 364 p.
13. Литвинов Максим Максимович // Министерство иностранных дел РФ. 2014. 10 нояб. URL: https://www.mid.ru/ru/about/professional_holiday/history/1713883/
14. *Кабанова И. В.* Англо-американская путевая проза 1930-х гг. о Советской России // *Литература двух Америк*. 2021. № 10. С. 228–265.
15. *Engerman D. C.* Modernization from another shore: American intellectuals and the romance of Russian development. London : Harvard University Press, 2003. 399 p.
16. *Duranty W.* Russia now shows strange contrasts // *The New York Times*. 1922. 23 July. P. 18.
17. *Duranty W.* Crowds of starving peasants besiege Samara for food in vain // *The New York Times*. 1921. 6 Sept. P. 1.
18. *Duranty W.* Russian communists losing their grip // *The New York Times*. 1922. 26 Feb. P. 3.
19. *Dunne W. F.* Oil and the War danger // *The Daily Worker*. 1927. 3 Dec.
20. New York Times Statement About 1932 Pulitzer Prize Awarded to Walter Duranty. URL: <https://www.nytc.com/company/prizes-awards/new-york-times-statement-about-1932-pulitzer-prize-awarded-to-walter-duranty/>

References

1. Anon. (n.d.) *Deklaratsiya i dogovor ob obrazovanii SSSR* [Declaration and Treaty on the Formation of the USSR]. [Online] Available from: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/09-02-deklaraciya-obrazovanie-sssr-1922.shtml> (Accessed: 17.01.2026).
2. Alent'eva, T.V. (2021) *Iz istorii amerikanskoy zhurnalistiki. Fenomen "New York Tribune" i obshchestvennoe mnenie v SShA (1841–1861 gg.)* [From the History of American Journalism. The Phenomenon of "New York Tribune" and Public Opinion in the USA (1841–1861)]. Moscow: INFRA-M.
3. *The Watchman and Southron*. (1917) Betrayal of Russia. 18 September. p. 7.
4. *The County Record*. (1919) Aim revolution in America. Reds avail themselves of every opportunity to spread propaganda. 6 November. p. 2.
5. Lloyd, A. (1919) Reign of anarchy marks rule of the bolsheviki in Russia. *White Pine News Weekly Mining Review*. 30 March. p. 3.
6. Comerford, F. (1920) Why bolshevism is a menace. *The Leader Enterprise and Press*. 31 May. p. 7.
7. *Pine Bluff Daily Graphic*. (1919) Bolshevik regime termed military dictatorship. 13 February. p. 6.
8. Romanov, A.S. (2009) *Informatsionnaya deyatel'nost' Narodnogo komissariata po inostrannym delam RSFSR, 1917–1923 gg.* [Information Activities of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR, 1917–1923]. Diss. Moscow.
9. Cowl, J.W. (n.d.) *Angels in Stalin's paradise: Western reporters in Soviet Russia, 1917 to 1937, a case study of Louis Fischer and Walter Duranty*. [Online] Available from: <https://archive.org/details/angelsinstalinsp0000crow/page/n9/mode/2up> (Accessed: 17.01.2026).
10. Woolcott, A. (n.d.) A personal note on Walter Duranty. *Duranty reports Russia*. Canada. p. 8.
11. Anon. (1981) *Angels in Stalin's Paradise: Western Reporters in Soviet Russia, 1917–1937; A Case Study of Louis Fischer and Walter Duranty*. Washington, D.C.: The University of America Press.
12. Duranty, W. (1935) *I write as I please*. New York: Simon and Schuster.
13. Ministerstvo inostrannykh del RF [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. (2014) *Maksim Maksimovich Litvinov*. 10 November. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/about/professional_holiday/history/1713883/ (Accessed: 17.01.2026).
14. Kabanova, I.V. (2021) Anglo-amerikanskaya putevaya proza 1930-kh gg. o Sovetskoy Rossii [Anglo-American travel prose of the 1930s about Soviet Russia]. *Literatura dvukh Amerik*. 10. pp. 228–265.

15. Engerman, D.C. (2003) *Modernization from another shore: American intellectuals and the romance of Russian development*. London: Harvard University Press.
16. Duranty, W. (1922) Russia now shows strange contrasts. *The New York Times*. 23 July. p. 18.
17. Duranty, W. (1921) Crowds of starving peasants besiege Samara for food in vain. *The New York Times*. 6 September. p. 1.
18. Duranty, W. (1922) Russian communists losing their grip. *The New York Times*. 26 February. p. 3.
19. Dunne, W.F. (1927) Oil and the War danger. *The Daily Worker*. 3 December.
20. *The New York Times*. (n.d.) New York Times Statement About 1932 Pulitzer Prize Awarded to Walter Duranty. [Online] Available from: <https://www.nytc.com/company/prizes-awards/new-york-times-statement-about-1932-pulitzer-prize-awarded-to-walter-duranty/> (Accessed: 17.01.2026).

Сведения об авторе:

Кадар Е. С. – соискатель кафедры литературной критики Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).
ORCID: 0009-0001-2172-4716. E-mail: ekaterina.kadar@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E. S. Kadar, postgraduate student, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation).
ORCID: 0009-0001-2172-4716. E-mail: ekaterina.kadar@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.12.2024;
одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 20.01.2026*

*The article was submitted 20.12.2024;
approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 20.01.2026*